

РАССТОЯНИЕ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ВОЗМОЖНОСТЬ ОПОЗНАНИЯ ЛИЦА ПО ПРИЗНАКАМ ВНЕШНОСТИ

В настоящее время в следственной практике органов уголовного преследования имеют место случаи ошибочного опознания лиц, не причастных к совершению преступлений. В частности, при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов не единичными являются факты ошибочного опознания свидетелями лиц, осуществляющих закладки наркотических средств в лесных массивах. В последствии, в ходе следственных действий, устанавливалось, что опознанные свидетелями лица не были причастны к совершению преступлений. Ошибочное опознание, со слов свидетелей, происходило из-за условий наблюдения (фрагментарное отражение признаков из-за наличия деревьев в поле зрения, большого расстояния до наблюдаемого лица, недостаточной освещенности), что способствовало недостоверному восприятию целостного образа человека и, как результат, опознанию статистов со сходными признаками элементов внешности. Вышеизложенное предопределяет необходимость анализа литературных источников для установления факторов, влияющих на достоверную оценку значимости признаков внешности человека в целях его последующего опознания.

Так, В.Г. Булгаков в статье «Криминалистическая оценка значимости различных признаков внешности человека в зависимости от расстояния наблюдения» в качестве факторов, влияющих на достоверность опознания, выделяет остроту зрения (разрешающую способность зрения), погодные условия и время суток, дистанцию до наблюдаемого человека, продолжительность наблюдения и т. д. Из всех перечисленных факторов наиболее существенным для восприятия внешнего облика человека является расстояние до наблюдаемого лица. Для выявления закономерностей влияния указанного фактора на возможность узнавания лица посредством восприятия основных элементов внешности были проведены эксперименты, в ходе которых лицам с нормальным зрением предлагалось распознать различные признаки элементов внешности статистов и определить максимальное расстояние от распознаваемого объекта, с которого возможен процесс их детального различения.

На основе проведенных экспериментов было установлено, что мелкие элементы лица, которые имеют самую большую идентификационную значимость, могут восприниматься на достаточно близком расстоянии – от 2 до 3 м.

Лицо человека, являясь совокупностью мелких анатомических элементов, может визуальнo оцениваться другим человеком также на достаточно близком расстоянии. На основе экспериментальных данных установлено, что четко детализировать отдельные элементы лица, определить их контуры, цвет и относительные размеры удавалось лишь на расстоянии до 15 м.

Телосложение и осанка человека могут восприниматься на расстоянии до 200 м. Для восприятия указанных признаков достаточно видеть силуэт человека. Следует отметить, что информативность данных статических признаков внешности незначительна и определяются они как признаки групповой принадлежности, по которым достоверно идентифицировать (опознать человека) не представляется возможным.

Анализ результатов проведенных экспериментов свидетельствует о том, что восприятие элементов внешности человека и их признаков возможно только в пределах определенных расстояний. Процесс узнавания лица происходит по целостному образу внешнего облика человека, который в данный момент доступен опознающему лицу. По мере увеличения расстояния до статиста уменьшается спектр доступных для восприятия признаков внешности человека. Первоначально становятся неразличимыми элементы лица, затем слабо видимы движения рук и ног, далее не просматривается и сама фигура человека.

Результаты указанных выше экспериментов также подтверждаются научными изысканиями Н.В. Орлова и Л.А. Сысоева, в которых содержится информация о том, что при наблюдении лица на расстоянии более 10 м можно говорить только о восприятии «пятна» лица в целом, фигуры и общих признаков одежды человека (вид, фасон, цветовые характеристики и т. п.). Мелкие элементы внешности лица при этом не различимы, что препятствует опознанию (узнаванию) человеком в целом на расстоянии более 10 м.

В завершение отметим, что использование результатов рассмотренных выше экспериментов, а также информации из указанных литературных источников может способствовать объективизации процесса оценки результатов предъявления для опознания.

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ НА ВОЗДУШНЫХ СУДАХ

Верховенство и полнота власти государства зависят от пределов распространения и реализации его правовых предписаний. Для обеспечения суверенитета как стратегического национального интереса необходимо устанавливать полноту юридической силы норм законодательства таким образом, чтобы закон не имел пробелов и распространялся на все пространство, относящееся к юрисдикции принявшего его государства, на всех лиц, которые обязаны подчиняться этому закону, находясь на соответствующей территории. Соблюдение этих условий обеспечит гармонизацию норм национального и международного права, позволит преодолеть коллизии и пробелы в правовом регулировании пределов действия закона, в том числе уголовно-процессуального, образующего правовую основу государственного суверенитета наряду с иными публичными отраслями законодательства.

Экстерриториальное действие уголовно-процессуального закона Республики Беларусь регулируется ч. 2 ст. 3 УПК, согласно которой правила этого кодекса применяются при производстве по материалам и уголовному делу о преступлении, совершенном на территории дипломатического представительства и консульского учреждения Республики Беларусь в иностранном государстве, на воздушном, морском или речном судах, находящихся вне пределов Республики Беларусь под флагом или с опознавательными знаками Беларуси, если названные суда приписаны к портам Республики Беларусь. Для того чтобы право не только было закреплено нормативными правовыми актами, но и реально действовало, необходимо наряду с установлением пределов юрисдикции нормативное закрепление субъектов и механизма его реализации. Механизм реализации уголовно-процессуального закона детально изложен в нормах УПК, а субъектами реализации уголовно-процессуальной юрисдикции Беларуси на ее воздушных и водных судах, находящихся вне пределов Республики Беларусь, являются капитаны морских, речных судов, командиры воздушных судов, наделенные на основании п. 9 ч. 1 ст. 37 УПК полномочиями на осуществление дознания по уголовным делам о преступлениях, совершенных на этих судах.

А.В. Самко считает, что «отнесение командиров воздушных судов к органам дознания не обусловлено возможностью утраты доказательственной информации в связи с непродолжительностью рейсов, трудновыполнимо на практике и может повлечь за собой нарушение безопасности полетов в случае, если члены летного и cabinного экипажа будут осуществлять какие-либо процессуальные действия, отвлекаясь от выполнения своих прямых обязанностей. В этой связи видится целесообразным исключить командиров воздушных судов из перечня должностных лиц, уполномоченных законом осуществлять дознание».

Полагаем, что исключение командиров воздушных судов из числа органов и должностных лиц, уполномоченных осуществлять дознание, не соответствует требованиям законодательства и противоречит интересам национальной безопасности Республики Беларусь в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, на борту воздушного судна, находящегося в полете, помимо командира этого судна, отсутствуют иные лица, наделенные полномочиями осуществлять уголовное преследование, а предусмотренное ст. 109 УПК право граждан на захват лица, совершившего преступление, пресечение преступления является диспозитивным и не может рассматриваться как их обязанность. Исключение командира воздушного судна из числа органов дознания приведет к невозможности реализации на бортах воздушных судов требований ст. 59 Конституции, согласно которой государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией. В соответствии с той же нормой государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. На требования указанной нормы основана ст. 27 УПК, возлагающая на орган дознания обязанности, связанные с осуществлением уголовного преследования.

Во-вторых, распространение национальной юрисдикции на воздушные суда, зарегистрированные в Республике Беларусь и находящиеся за ее пределами, а также наделение командиров этих судов полномочиями на осуществление дознания в соответствии с белорусским УПК основаны на нормах международного права, в том числе закрепленных ст. 5 Международной конвенции ООН о борьбе с захватом заложников, ст. 9 Международной конвенции ООН о борьбе с актами ядерного терроризма, ст. 6 Международной конвенции ООН о борьбе с бомбовым терроризмом, ст. 3 Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, согласно которым на договорившиеся государства возложена обязанность по принятию необходимых мер для установления своей юрисдикции в качестве государств регистрации в отношении преступлений, совершенных на борту воздушных судов, зарегистрированных в этих государствах.

В-третьих, несмотря на непродолжительность полетов, в отдельных случаях промедление в производстве неотложных процессуальных действий может привести к утрате доказательств и последующей невозможности реализации задач уголовного процесса и принципа неотвратимости ответственности. Например, с учетом требований п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК)» вопрос о привлечении к уголовной ответственности лица по данной категории дел может быть разрешен только при наличии заключения эксперта, позволяющего определить вид запрещенного средства или вещества, его название и свойства, происхождение, способ изготовления или переработки. Если своевременно не принять меры по задержанию и изъятию в ходе личного обыска у пассажира соответствующих средств и веществ, то он до завершения полета сможет от них избавиться, например путем смыва в санитарно-гигиеническом блоке самолета, что исключит возможность проведения экспертных исследований.

В-четвертых, следует учитывать ситуации, когда действия лица, совершающего преступление на борту воздушного судна, могут повлечь за собой большую опасность для полета, чем отвлечение от исполнения непосредственных обязанностей членов летного и cabinного экипажа на принятие мер по пресечению преступления и задержанию лица, которое его совершает. При этом согласно требованиям уголовно-процессуального закона наделение командира воздушного судна полномочиями на осуществление дознания не означает, что он должен лично проводить процессуальные действия и принимать решения, отвлекаясь от своих служебных обязанностей. Каждое из должностных лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 37 УПК, включая командира воздушного судна, является начальником органа дознания, который в соответствии с ч. 2 и ч. 4 ст. 38 УПК не только может лично осуществлять дознание, но и наделен организационными полномочиями на поручение иным лицам проведения проверки по заявлению, сообщению о преступлении, дознания.

Таким образом, наделение командира воздушного судна полномочиями на осуществление дознания является обоснованным, соответствует интересам национальной безопасности и принятым Республикой Беларусь обязательствам, предусмотренным Конституцией и международными договорами, а также служит гарантией реализации задач уголовного процесса, защиты граждан государством как на территории Беларуси, так и за ее пределами.